

УДК 821.161.1.0.09«18»

ББК 83.3(2Рос=Рус)3

НОВАЯ ГИПОТЕЗА**ОБ АВТОРСТВЕ «СЛОВА О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»****Рец. на кн.: Ломов, А. М. «Слово о полку Игореве»****и вокруг него [Текст] / А. М. Ломов. – Воронеж :****Изд.-полиграф. центр Воронеж. ун-та, 2010. – 244 с.***В.Б. Смирнов*

«Слово о полку Игореве» – одно из самых загадочных произведений древней русской литературы, тайну которого несколько веков постигали и постигают поколения ученых-медиевистов. Однако и по сей день не знаем ни его автора, ни точного времени написания, расходясь в датировке не на года, не на десятилетия, а на целые века. Точнее – не знали до последнего времени, пока не появилась на свет монография воронежского лингвиста А.М. Ломова ««Слово о полку Игореве» и вокруг него» (2010). Не подвластная магнетизму таких признанных «слововедов», как Д.С. Лихачев или А.А. Зализняк, политически острая, но без запальчивости, убеждающая не эмоциональным накалом, а доказательностью аргументов, почерпнутых из разных областей научного знания. В первую очередь, это, конечно, история древней Руси, события которой нашли отражение в первой русской поэме, текстология, историческая грамматика, сравнительное языкознание, а также лингвостилистика и литературоведческие приемы, используемые при атрибуции анонимных текстов и установлении их стилевой общности.

Разумеется, принимаясь за многолетнюю работу, автор прекрасно представлял сложность проблемы и едва ли рассчитывал на одномерность оценок своего труда, анализирующего произведение, на которое у разных отечественных и зарубежных слововедов существуют диаметрально противоположные взгляды. Во-первых, по поводу того, подлин-

ник ли это или поздний фальсификат. Во-вторых, к какому веку относится памятник русского Средневековья? Поскольку традиционная датировка его XII веком противоречит тому, что в «Слове» содержатся более поздние языковые элементы, которые, возможно, были привнесены переписчиками из другого временного среза. В-третьих, является ли автор первой русской поэмы (осмелюсь назвать ее художественно-публицистической, но не исторической) современником похода князя Игоря на половцев, и кто из более пятидесяти кандидатов, выдвигаемых в процессе изучения «Слова» на роль «Игорев паеснопевца», может реально претендовать на нее.

Автор книги считает, что решение этих вопросов у «традиционалистов» и «скептиков» «одинаково ущербно в логическом отношении». Научная гипотеза, предлагаемая А.М. Ломовым, доказательству которой и посвящена книга, заключается в том, что полемисты ищут ответ на комплекс этих проблем «не в той временной нише». Центром новой «концептуальной базы слововедения» должен стать пересмотр времени написания «Слова о полку Игореве», от которого и зависит авторство древнерусского памятника.

До 1800 года, когда вышло первое печатное издание анонимной поэмы, «Слово» не привлекало широкого внимания читателей и исследователей. Но высокий художественный уровень его позднее отметили и Жуковский, и Карамзин, и Пушкин. Последний даже соби-

рался перевести поэму на современный ему литературный язык. Однако время написания произведения не имело документального подтверждения, и датировалось оно концом XII века по сути дела произвольно, что и породило дошедшую до наших дней мифологию о его происхождении. В середине 60-х годов прошлого столетия на основании анализа содержания произведения эту гипотезу закрепил своим авторитетом Д.С. Лихачев: «...Осведомленность автора “Слова” в политической обстановке описываемого им времени (почему и понадобились рассуждения о том, был ли автор участником Игоревых походов. – В. С.), точность в изображении незначительных реалий, самый характер авторского отношения к описываемым событиям – все это говорит о том, что “Слово” писалось вскоре после изображаемого им события – похода Игоря на половцев в 1185 году» [3, с. 158]. После этого заявления никто уже не осмеливался подвергнуть сомнению вывод ученого, хотя автор поэмы, на что обращает внимание А.М. Ломов, намеревался повествовать «старыми словесы» (курсив мой. – В. С.), то есть, стилизуя под слог прежних времен, что почти открыто говорит о том, что он не был современником изображаемых событий.

А.М. Ломов обращает внимание и еще на целый ряд фактов, свидетельствующих о более позднем, нежели конец XII века, происхождении текста «Слова о полку Игореве». Это, в частности, подтверждает оптимистическая тональность повествования, не соответствующая исторической ситуации на Руси конца XII, но отвечающая общественным настроениям века XIV. «Очередное несоответствие “Слова” XII веку, – отмечает автор монографии, – проявляется в его отношении к литературным канонам этого столетия, определявшим характер изображения героев. Как известно, в это время на вооружении древнерусской литературы был особый стиль, называемый историческим монументализмом. Он требовал от писателя изображения человека вообще со всеми свойственными ему знаками. Но, когда исследователи попытались проанализировать “Слово” с этой точки зрения, обнаружилось, что оно следует совсем иным традициям...

В “Слове” заявляет о себе пришедший на смену монументализму все в том же

XIV веке принцип антропоцентризма, предполагающий внимательное отношение к человеку – пусть пока еще в рамках религиозного сознания».

Другой стилиевой аргумент, свидетельствующий о более позднем происхождении «Слова», нежели XII век, это отображение окружающей человека природы: «Древнерусская литература XII века, – как об этом пишет автор монографии, – природу словно не замечает. А между тем в слове упоминаются двадцать пять животных и птиц, которые предстают не как фоновые элементы, а как непосредственные участники происходящего; здесь множество прекрасных зарисовок, свидетельствующих о том, насколько внимателен автор памятника к окружающему. Но такое мировосприятие явно соответствует XIV столетию, когда авторы как бы открыли для себя природу, научились любоваться закатами и восходами солнца, расцветающей весной, слушать птиц и наблюдать зверей».

В дополнение к этому следует учитывать и тональность оценок событий эпохи, описываемых в «Слове», которые делаются ретроспективно и «совершенно невероятны в устах человека, живущего в одно время с Игорем». Примеры такого рода в книге А.М. Ломова многочисленны, и курьезно обвинять в этом переписчиков, выступающих в данном случае чуть ли не в роли соавторов «Игоревых песнопевцев». Немаловажен и тот факт, что автор «Слова» выступает не только как апологет князя Игоря, но и как радатель родной земли (этакий предтеча Петра Великого, ныне мы бы назвали его государственным), призывая князей к единению, к необходимости вступить за «землю Русскую, за раны Игоревы» и осмеливаясь упрекать их за бездеятельность. «Но такая попытка учить властителей, – считает А.М. Ломов, просвещенный российской историей, – не прошла бы даром даже нашему поэту-современнику, а что уж тут говорить о Средневековье». Ан, он еще сумел сохраниться и создать поэтический шедевр...

Приводя дополнительные аргументы, подтверждающие подлинность «Слова о полку Игореве», отвергая попытки причислить его к литературной мистификации и укоренившуюся хронологию его создания (XII век), А.М. Ломов справедливо видит выход из сло-

жившейся научной коллизии в передатировке литературного памятника. Истоки новой (прямо скажем, смелой!) гипотезы воронежского ученого, низвергающей авторитеты крупнейших российских медиевистов и имеющей все основания стать научной сенсацией, восходят к первой половине XIX века, к трудам и эпистолярному наследию Е.А. Болховитинова, который тоже не сомневался в подлинности «Слова», но подвергал сомнению его датировку, считая, что написана поэма была не в XII, а в XIV–XV веках. Такой широкий хронологический диапазон, естественно, не может считаться научно точным. Чтобы сузить хронологические рамки создания «Слова о полку Игореве» (при отсутствии документальных свидетельств), А.М. Ломов обратился, по его выражению, к скрупулезному анализу «самого мощного датирующего средства, каким является язык памятника», тем более что лингвисты, не подвергавшие сомнению устоявшуюся датировку «Слова» XII веком, практически игнорировали языковые явления, противоречащие исходной установке, квалифицируя их как «поздние поновления». Внимательное прочтение (точнее, пожалуй, даже расшифровка текста поэмы) позволило ученому выявить биографические сведения об авторе «Слова», ранее не замеченные исследователями. Выяснилось, например, что он – потомок князя Игоря и не мог быть современником описываемых событий, а воспроизвел их «по былинам сего времени», то есть после XII века.

Не буду останавливаться на «технологических» нюансах методики лингвистического определения хронологической принадлежности текста: дело это сложное, буквоедски щепетильное, трудоемкое и не каждому, не посвященному в него, понятное. Во-первых, потому, что методика эта достаточно обстоятельно описана автором монографии. Во-вторых, потому, что, по собственному признанию А.М. Ломова, сходна с той, которую использует в ранее вышедшей книге ««Слово о полку Игореве»: взгляд лингвиста» (М., 2004) А.А. Зализняк, увенчанный признанием научной общественности. Анализ текста под этим углом зрения опирается на историческую лингвистическую картину языка и учитывает информативную продуктивность каждой языко-

вой единицы: орфографической, морфологической, фонетической, графической (наименее информативен в этом случае синтаксис).

А.А. Зализняк, свято верующий в то, что «Слово» написано в XII веке, не выходил за границы языковой картины этой эпохи и подтвердил, что анонимное произведение написано правильным древнерусским языком XI–XII веков. Все же, что противоречит этому, по мнению исследователя, принадлежит «писцам XV–XVI веков вообще и писцам северо-запада восточнославянской зоны в частности» [2, с. 30]. Как говорится, гора родила мышь. Понимаю, оценка некорректна. А.А. Зализняк сделал многое для интерпретации «Слова о полку Игореве», но оставил рассматриваемую здесь проблему «на точке замерзания», не приблизив нас к уточнению датировки литературного памятника и выявлению его авторства. Гипотеза А.М. Ломова, напротив, вносит существенные коррективы в научное решение и той, и другой проблемы. Опираясь на работы своих предшественников (М.А. Колосов) и дополняя их собственными языковыми аргументами, воронежский исследователь категорически возражает против точки зрения А.А. Зализняка о вмешательстве в текст «Слова» переписчиков поздних веков, считая возможным говорить об определенной языковой коррекции памятника в период от второй половины XIV века до начала XV, что непосредственно связано с хронологической концепцией А. М. Ломова. Более того, изучение экстралингвистических факторов приводит его к мысли о том, что «Слово» создавалось в 90-е годы XIV века. Такая датировка, по мнению автора монографии, «позволяет снять практически все противоречия, с которыми мы сталкиваемся при осуществлении анализа на основе традиционной гипотезы. Основываясь на ней (датировке. – В. С.), мы получаем возможность вывести слововедение из того состояния кризиса, в котором оно сейчас находится... как результат следования на протяжении двух столетий за сложившимися стереотипами». Достаточно аргументированно развенчанный один миф позволил А.М. Ломову перейти к демифологизации точек зрения об авторстве первой русской поэмы. Эта проблема не менее важна, чем ее датировка, потому что за именем автора произведения стоит

огромная информация, без которой «Слово» просто не понять. Установление авторства существенно расширяет интерпретационный смысл памятника.

Реализация этого проекта потребовала от воронежского лингвиста прибегнуть к помощи текстологических приемов, используемых в смежной науке – литературоведении, в частности, метода текстовых параллелей, широко практикуемых при атрибуции анонимных текстов. Так, например, были идентифицированы сотни литературно-критических работ Белинского, Салтыкова-Щедрина, Михайловского и других литераторов, которые публиковались без подписи в русских журналах XIX столетия. Такой метод доказал свою продуктивность и в трудах зарубежных ученых.

Определив хронологические границы создания «Слова о полку Игореве» концом XIV века, А.М. Ломов предположил, что творца бессмертного древнерусского памятника нужно искать в литературном контексте той эпохи. Тем более что тогдашняя «писательская организация», если не принимать во внимание переписчиков и религиозную литературу, исчислялась единицами. Хорошо ориентируясь в контексте древнерусской письменности, исследователь обнаружил тематические, лексические и фразеологические совпадения (частично или полностью) в текстах «Слова» и другого памятника конца XIV века – «Задонщины», рассказывающей о еще одном историческом событии древней Руси, Куликовской битве (1380). На такие текстовые переклички обращали внимание и другие слововеды. Но, зашоренные сложившейся традицией считать «Слово о полку Игореве» памятником XII века, активно поддерживаемой советской мифологией (мы ведь всегда и во всем должны быть первыми! Даже в создании светской литературы), они не придавали этому факту серьезного значения. А может, и просто-напросто боялись покушаться на «узаконенную» догматику, чтобы не оказаться «возмутителями спокойствия», консерваторами, космополитами или принадлежащими к какой-нибудь другой «зловредной» категории, посягающей на государственные основы... Это ведь сейчас любой самонадеянный горлопан может кричать на каждом перекрестке, что хуже советской литературы на свете не было и нет.

Поэтому в поддержку раннего происхождения «Слова о полку Игореве» выдвигалась версия, что «Задонщина» – это, по нынешней терминологии, чуть ли не ремейк «Слова». Вот как пишет об этом А.М. Ломов: «Считалось, что древнерусский книжник, современник Дмитрия Донского, воодушевленный победой русских в битве с ордой Мамаея, решил восславить это событие. С этой целью отыскал в какой-то из монастырских библиотек светский (художественный!) памятник XII столетия “Слово о полку Игореве”, в котором описывались события, в определенной степени похожие на события 1380 года, и, опираясь на него, создал свою подражательную “Задонщину”, всего лишь “сияющую отраженным светом “Слова”». Подобное объяснение в принципе приемлемо, но при одном условии: в таком случае в распоряжении этого книжника должна была иметься обширная светская художественная литература домонгольского периода, из состава которой он мог выбрать (после ее тщательного изучения) произведение, точно отвечающее его замыслу. Но о существовании подобной литературы (повторяем, обширной, чтобы было из чего выбирать) в домонгольской Руси нам ничего не известно, а расхожее объяснение “была, но погибла во время татаро-монгольского нашествия” здесь явно не срабатывает. Если погибла, то почему же, по какой прихоти случая сохранилось именно “Слово о полку Игореве”? В итоге вырисовывается любопытнейшая картина: выходит, что древнерусский книжник располагал одним-единственным произведением светского характера домонгольской поры (допустим, даже двумя-тремя), и на этом крохотном литературном “пяточке” отыскалась нужная ему аналогия! Да еще какая! Легко заметить, что фабульная линия “Задонщины”, будучи отличной от фабульной линии “Слова” в плане общего развития событий, обнаруживает удивительное типологическое (не фактическое!) сходство с последней в своей экспозитивной части. И там и тут русский князь вместе со своим братом отправляется в глубь степей на врагов – нехристиан (поганых), пришельцев с востока, и вступает с ними в кровопролитную битву в бассейне Дона. Совпадения, конечно, бывают всякие, но такие, согласитесь, весьма и весьма подозрительны».

На фоне этих фантастически случайных совпадений версия А.М. Ломова выглядит неизмеримо реалистичней, принципиально отличается от бытующей в слововедении и свидетельствует со многими последующими разнообразными доказательствами (в том числе исторического характера), что оба произведения принадлежат одному автору. Скорее всего, считает ученый, древнерусский книжник, заинтересовавшийся военной историей Руси – героической, современной ему Куликовской битвой и закончившейся драматически, отдаленной на два века (битва на Непрядве), в поисках исторических аналогий к этим событиям обратился к летописям, нашел эту аналогию в летописной повести о походе новгород-северского князя Игоря на половцев в 1185 году и «написал сразу же (или с небольшим разрывом в несколько лет) два произведения о двух одновременных походах». Эта диалогия, если можно так сказать, объединена творческим замыслом: публицистическим противопоставлением «успешного» князя Дмитрия, победа которого стала результатом сплочения русских сил, и князя Игоря – «неудачника», «сепаратиста», погубившего из узкоклановых интересов свое войско. Проблема, как видим, не утратившая актуальности и для современной России...

Уже сам замысел свидетельствует о творческой незаурядности автора. Как и оригинальность используемых им художественных приемов, среди которых особое функциональное значение «приобретает взаимопереплетение разнообразных элементов двух разных произведений», будто сознательно ориентирующее читателя на восприятие их как частей единого целого. Я бы назвал этот прием «контрастирующим параллелизмом», потому что суть наблюдений А.М. Ломова над стилем (в литературоведческом понимании) памятников сводится именно к этому. Отдельное произведение как бы функционирует в едином сюжетном пространстве: «внешнее начальное сходство – принципиальное финальное несходство». «Параллели, – замечает А.М. Ломов, – используемые в “Слове” и “Задонщине”, не только многочисленны – они образуют разветвленную систему, схватывающую все уровни этих памятников. Без параллелей совершенно непредставим сюжет-

ный уровень, где постоянно сопоставляются то сами ситуации в целом (то есть походы. – В. С.), то отдельные эпизоды этих ситуаций, то люди и их поступки». Параллели определяют композицию этих произведений. Они строятся из одних и тех же структурных элементов. Параллели заявляют о себе и на словесно-образном уровне, на метафорике текстов, на расширенных заглавиях их в разных списках «Задонщины», текстовых отрезках, содержащих авторскую программу, его сентенции и оценку изображаемых событий, то есть на композиционных элементах, предвосхищающих так называемые «лирические отступления» в более поздней русской прозе.

Если считать, что «Слово о полку Игореве» и «Задонщина» принадлежат разным авторам, трудно поверить, что они настолько прониклись общностью мирозерцания, мировоззрения и художественной стилистики, что их произведения создают впечатление единого целого. Неизвестный автор литературных памятников конца XIV века, талантливость которого не подлежит сомнению, смело извлекал художественную энергию на пересечении жанровых границ, не смущаясь тем, что мы называем теперь «жанровой диффузией», вкладывая в традиционные для позднего Средневековья номинации жанров «противопоказанное» им содержание. Он выступал – то ли по незнанию, то ли по творческой раскованности – таким древнерусским авангардистом. Уровень его художественного мышления (не могу сказать – сознания, потому что, возможно, подсознательное превалировало в нем) был во многом опережающим свою эпоху и близко следующие за ней. Я имею в виду прежде всего классицизм, «засушивший» своей нормативностью русскую литературу. Не избежала этого и западноевропейская. Не случайно «Слово о полку Игореве», первой печатной публикацией которого открывался XIX век, было восторженно встречено Пушкиным и его друзьями-романтиками, освободившимися от пут классицизма.

Текстуальная общность «Слова» и «Задонщины» дает возможность А.М. Ломову поставить вопрос и об авторе этих литературных памятников. Дело в том, что «Задонщина» отнюдь не анонимна. В ее списках содержатся указания на авторство текста. Почти

все медиевисты, ссылаясь на них, считают, что «Задонщина» написана Софонием Рязанцем. По обычаям того времени прозвища давались чаще всего с указанием на место обитания человека, где он какое-то время жил и откуда приехал. Следуя этой логике, можно предполагать, что во время создания «Задонщины» он жил уже не в Рязани. Есть в списках и другие микроскопические сведения, помогающие хоть каким-то образом воссоздать биографию автора одного из лучших и пользовавшихся популярностью у древнерусского читателя литературных памятников. Популярность эта, поскольку списки проходили через многие руки, негативно сказалась на сохранности текста, во многих случаях исказив его первоначальное содержание. Тем не менее внимательное прочтение списков дало возможность А.М. Ломову извлечь из них еще кое-какие детали биографии, как теперь можно с достаточной уверенностью предполагать, автора «Слова о полку Игореве».

В основной массе списков Софония Рязанца именуют старцем. Но в Древней Руси, дотошно отмечает исследователь, старцы были разного рода: градские – толкуемые по-разному и монашествующие – которые имели более определенное толкование. Под градскими понимались и представители знатных киевских родов, и городские домовладельцы, зажиточные хозяева из неслужащего класса, и военная администрация: тысяцкие, соцкие, десятские. Монашествующие старцы делились на рядовых и соборных, то есть входящих в составы монастырских советов. Софоний Рязанец, по мнению А.М. Ломова, «скорее всего относился к монашествующим старцам, так как в одном из списков “Задонщины” его именуют иереем, но это понятие совмещается с понятием “старец” только в том случае, если речь идет об иеромонахе, то есть монахе, имеющем сан священника (и состоящем, например, в соборном свете)».

Есть в разных летописных списках сведения о том, что Софоний был брянским боярином. Есть и собственные признания автора «Слова» о его, так сказать, творческой деятельности. Он признается, что им написано несколько книг. В первой из них он «восписал жалость земли русские и прочее от книг приведя», то есть как мы бы теперь сказали о

литературном (летописном) материале. Потом же, обращая внимание на мой курсив, помогающий определить последовательность создания произведений, «“списах” жалость и похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу». Первое произведение, судя по краткой авторской характеристике его, справедливо полагает А.М. Ломов, это «Слово о полку Игореве». Оно представляет собою «ретроспективное описание прошлого события» и содержит только «жалость», но не «похвалу». Второе, написанное «по делам и былинам», содержащее плач о погибших русских воинах и «похвалу» организаторам победы – Дмитрию Донскому и его двоюродному брату Владимиру, прозванному после Куликовской битвы Храбрым, посвященное современным автору событиям, – это, несомненно, «Задонщина».

Приобретает биографическую значительность и тот факт, что Софоний Рязанец был брянским боярином, поскольку «во времена князя Игоря Брянск входил в его удельное княжество». Неслучайно поэтому, обращает внимание читателя А.М. Ломов, автор «Слова о полку Игореве» так хорошо знает географические и бытовые реалии Южной Руси и не скупится на демонстрацию их в тексте памятника.

Более того, упоминающиеся в «Задонщине» герои Пересвет (Александр) и Яков Ослебины и сын московского князя Дмитрий «тоже из брянского княжества: Пересвет и Яков Ослябя в свое время были там боярами и несли службу в Любутске, а Дмитрий управлял этим княжеством после присоединения его к Литве». Не исключено, логично предполагает автор монографии, что земляки, уцелевшие в битве при Непрядве, общались между собой, и от них Софоний мог получить более достоверную информацию, чем последующие выдумки потомков. Тактический план князя Дмитрия был направлен на то, чтобы избежать массированного стрелового удара татарского воинства, который некогда погубил войско Игоря. Поэтому никакого ритуального поединка с иноземцем просто-напросто быть не могло. Нет его и в «Задонщине» Софония Рязанца, знавшего подробности Куликовской битвы от непосредственных участников ее.

Весьма красноречиво в контексте доказательств ученого и то обстоятельство, на которое он ссылается, опираясь на исследование В.А. Козырева «Лексика современных народных говоров» (Л., 1984): «Фронтальное обследование лексики “Слова о Полку Игореве” с точки зрения ее соответствия данным современных народных говоров, которые пережиточно сохраняют явления, некогда бывшие общерусскими», зафиксировало в современных говорах Брянщины 150 лексем, отмеченных в древнерусском памятнике. Сведения о Софонии Рязанце скудны. Как предполагают исследователи, до 1356 года он оставался в Брянске, а когда Брянское княжество после междоусобиц вошло в состав Литовского, часть брянских бояр покинула службу и устремилась в северо-западную Русь. Туда перебрались и легендарные герои Куликовской битвы Пересвет с Ослябой, где позднее постриглись в монахи. Софоний волею судьбы оказался в Рязани, где и обрел свое прозвище (точных имени его и фамилии никто не знает). А потом переехал в Новгород, о чем свидетельствуют его тексты. Возможно, жил в Пскове. Точных данных об этом нет, видимо, не успел «зарегистрироваться». Потом, по предположению А.М. Ломова, в 1375–1376 годах оказался в Москве, где имел отношение к московскому летописанию. В 1380-х годах его судьба пересеклась с судьбой митрополита Киприана, который находился в сложных отношениях с Дмитрием Донским, прошел через разные испытания, гонения и после смерти князя Дмитрия в 1390 году обосновался в Москве, многое сделав за шестнадцать лет для развития Московского княжества. Киприан был не только целеустремленным пастырем, но и хорошим духовным писателем (см.: Дмитриев Л. А. Роль и значение митрополита Киприана в истории древнерусской литературы // К русско-болгарским литературным связям XIV–XV веков : тр. отдела древнерус. лит. М. : АН СССР, 1963. Т. XIX).

По предположению А.М. Ломова, Софоний Рязанец вошел в окружение Киприана в 1381 году, вместе с ним через год покинул Москву, уехав в Киев, а затем в Константинополь, где пробыл около двух лет. Этим объясняется хорошее знание Софонием непереведенных в славянских странах византийских

произведений, оказавших впоследствии влияние на автора «Слова» и «Задонщины». По мнению А.М. Ломова, Киприану обязан Рязанец и хорошим знанием новых орфографических веяний, заявивших о себе в рамках второго южнославянского влияния, проявление которого в его произведениях помогает ныне в их атрибуции. Дальнейшая судьба первого русского поэта и светского прозаика неизвестна. Судя опять-таки по его текстам, во время службы у рязанского князя «он был юн годами», а к началу XV века «ему уже перевалило за семьдесят (возраст для Средних веков весьма почетный)»... Юные следопыты поиском его могилы не занимаются.

Написал ли Софоний Рязанец до конца жизни что-нибудь еще – тоже неизвестно. Однако А.М. Ломов, воспринимая уже упомянутую мною фразу: «Потом уже восписав жалость земли Русские и прочее от кних приведа», содержащуюся в одном из списков «Задонщины» как автобиографическое признание автора «Слова» о создании «прочих» произведений, счел возможным – в поиске этих «прочих» – включить в творческий актив Софония Рязанца дополнительно «Слово» (в другом варианте «Моление») Даниила Заточника, «Слово о законе и благодати» и «Слово о погибели Рускыя земли». Гипотеза еще более взрывная, нежели предшествующие, которая вызовет в слововедении девятибалльное землетрясение. Откровенно скажу, что мое отношение к ней скептическое. Мне кажется, что слово «прочее» истолковано автором монографии на сей раз некорректно. На мой взгляд, оно свидетельствует не о том, что Рязанцу принадлежат и прочие книги, а о нежелании автора «Слова» просто-напросто пересказывать дальнейшее содержание книги, упомянув главное в ней, и по смыслу соответствует разговорному «и тому подобное». Конечно, при желании поднять на дыбы все слововедение оно может быть истолковано и в том смысле, который вложил в него азартный ученый, увидевший в новых произведениях много тематически, идеологически и стилистически общего с теми, авторство которых А.М. Ломовым аргументировано достаточно полно, но не избыточно.

Спору нет, резонов для причисления упомянутых текстов к наследию Софония Рязан-

ца достаточно, и А.М. Ломов не первый, кто высказал такое предположение. Они близки «Слову о полку Игореве» и по тематике и проблематике, и по лирико-эпической тональности, и по ритмической организации прозы, и по изобразительно-выразительным средствам языка, и по демократичности авторского взгляда на жизнь, и по «учености», свойственной много повидавшему на своем веку Рязанцу, ранее бывшему брянцем, но сохранившему в своих текстах южнославянское влияние. Общность очевидна, но многое в этой общности принадлежит самой социокультурной и литературной атмосфере Средневековья. Я целиком согласен с А.М. Ломовым, что пересмотр датировки этих произведений тоже назрел. Их даже с трудом не втиснешь в контекст литературы до XIV века. Я во многом согласен и с контраргументами исследователя, отвергающего прежние доводы ученых об авторстве этих произведений. Но не могу считать их достаточно убедительными для того, чтобы прийти к окончательным выводам.

Я могу согласиться, как говорится, на уровне шестого чувства, не имея доказательств для переаргументации, с принадлежностью Софонии «Рязанцу» «Слова Даниила Заточника». Уж больно близко оно по своему творческому настроению, по духу художественного поиска, по ернически бунтарскому стремлению ухватить изображаемую действительность во всем ее многообразии, во всей, как мы часто говорим, ее амбивалентности. И отмечаемая некоторыми исследователями стиливая противоречивость текста отражает не неумелость автора, а, пожалуй, первую (или одну из ранних) попыток объединить зачастую взаимоисключающие явления в единое целое, свидетельствующую о размашистой талантливости Софония Рязанца. Если, конечно, это он. А если не он, то Русь все равно ничего не потеряла, а, возможно, приобрела еще одного писателя, умевшего видеть перспективу развития русской литературы на заре ее формирования. И я хорошо понимаю захлебывающегося от переполняющих чувств В.Г. Белинского, который писал: «Кто бы ни был Даниил Заточник, можно заключить не без основания, что

это была одна из тех личностей, которые, на беду себе, слишком умны, слишком даровиты, слишком много знают, и, не умея прятать от людей своего превосходства, оскорбляют самолюбивую посредственность; которых сердце болит, снедается ревностью по делам, чуждым им, которые говорят там, где лучше было бы помолчать, и молчат там, где выгодно говорить; словом, одна из тех личностей, которых люди сперва хвалят и холят, потом сживают со свету и, наконец, уморивши, снова начинают хвалить» [1, с. 351].

Но эмоции не аргумент в научной полемике. Не останавливаясь на анализе степени убедительности аргументации автора книги относительно принадлежности Софонии Рязанцу «Слова о законе и благодати» и «Слова о гибели Руския земли». Как всегда, у А.М. Ломова она обширна и многообразна, но в данном случае она сосредоточена преимущественно на установлении идейной общности текстов и не выявляет их индивидуальной художественной специфики, что выглядело бы убедительнее. Разумеется, книга А.М. Ломова вызовет дискуссию, в ходе которой появятся и новые аргументы, и новые сомнения. Но главное дело сделано – автор «Слова о полку Игореве» наконец-то вышел из тени и приоткрыл свое лицо. Продолжение работы в этом направлении мне видится в использовании методики лингвостатистической атрибуции, достаточно хорошо зарекомендовавшей себя в книге шведско-норвежских исследователей «Кто написал “Тихий Дон”?» (Проблема авторства “Тихого Дона”») (М. : Книга, 1989).

В качестве аргументов А.М. Ломова мы убедились. Подождем количественной информации?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белинский, В. Г. Полный сборник сочинений : в 13 т. / В. Г. Белинский. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 5. – 864 с.
2. Зализняк, А. А. СПИ: взгляд лингвиста / А. А. Зализняк. – М. : Наука, 2004. – 215 с.
3. Лихачев, Д. С. Когда было написано «Слова о полку Игореве» / Д. С. Лихачев // Вопросы литературы. – 1964. – № 8. – С. 132–160.